

и, понимая, что дальше идет изложение 1294 г., он постарался заполнить эту оставшуюся пустую строку перечислением названий пропущенных годов»¹.

Не привожу других выводов М. Д. Приселкова, вытекающих из гипотетически установленного им формата Летописца 1305 г., в частности и того, что «Поучение» Мономаха имело тот же формат, что и Летописец 1305 г., — вывод весьма важный для выяснения того, откуда попало «Поучение» в Лаврентьевскую летопись.

Конечно, вычисленный М. Д. Приселковым формат Летописца 1305 г., служившего оригиналом для Лаврентьевской летописи, не более чем гипотеза, но гипотеза, которая имеет за собой довольно много данных и которая самым фактом своего существования снимает безапелляционность утверждения палеографов, описывавших рукопись Лаврентьевкой летописи, что пропуски в ее тексте — результат утраты листов самой Лаврентьевской летописи.

Текстологические приметы

Перейдем к некоторым практическим указаниям, облегчающим работу текстолога и вместе с тем имеющим в известной мере принципиальное значение.

Начать сличать списки произведения, установить классификацию списков, хотя бы и формальную в начале, распределить списки по редакциям, видам, изводам и пр., если списков много, далеко не просто. Задача бесконечно усложняется, если произведение велико по объему (летописные своды, хронографы, Еллинский и Римский летописец, различного рода палеи, степенные книги, «Александрия», «Казанская история» и т. п.). Число признаков, по которым один список отличается от другого, одна редакция от другой, один извод от другого, может быть безгранично велико. Расхождения разночтений между отдельными редакциями могут сочетаться с совпадениями разночтений. Если списков много, то очень существен вопрос: с чего начинать сличение, какие списки сличать раньше, какие позднее? Приступая к сличению многих списков большого произведения, текстолог невольно оказывается в очень затруднительном положении: как хотя бы приблизительно разобраться в обилии материала, найти нужный порядок работы.

В этот момент очень многое зависит от искусства текстолога, от его опыта и интуиции.

Авторы книги «Методы и принципы зоологической систематики» Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер пишут о биологической систематике: «Нередко говорят, что систематика — скорее искусство, чем наука, и это утверждение в изве-

¹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи. С. 194.

стной мере справедливо. Оно столь же справедливо, как и утверждение о том, что врач, являющийся хорошим диагностом, при постановке диагноза руководствуется интуицией. И в самом деле, хороший врач и хороший систематик ставят свои диагнозы на основании умелой оценки симптомов в одном случае и таксономических признаков — в другом»¹.

Ниже мы укажем в разделе о классификации списков (с. 226 и сл.), что формальная классификация в практической работе текстолога предшествует исторической, но и формальная классификация представляет известные трудности. Трудности эти преодолеваются искусством текстолога, который уже на основании предварительного знакомства со списками, еще до их сличения, разбивает их на группы, выявляет в списках некоторые «симптомы», текстологические приметы, по которым он, еще до начала систематического сличения, предварительно группирует списки, значительно облегчая этим себе всю последующую работу.

В самом деле, наилучший порядок сличения списков между собой заключается не в беспорядочном сличении всех списков со всеми, а в сличении списков одной редакции или одного вида между собой, а затем в сличении списков одной редакции или одного вида с разночтениями другой редакции или другого вида. Такая последовательность в сличении разночтений значительно облегчает работу и выявляет сущность редакций и их видов.

Но ведь для такого порядка работы необходимо знать о классификации текста, о его разбивке на редакции и виды *раньше*, чем произведено само сличение, которое только и может установить прочные и окончательные выводы о редакциях и видах произведения. Тут, казалось бы, явный порочный круг. Однако круг этот разбивается вот чем: окончательно обосновать разбивку произведения по редакциям, видам, изводам и пр. можно только в результате полного сличения списков и объяснения всех разночтений списков, но предварительную, черновую и «рабочую» классификацию списков опытный текстолог может произвести еще до начала работы по сличению. В эту предварительную классификацию списков в результате их сличения будут неизбежно внесены исправления, уточнения, а может быть, потребуется и решительная перестройка классификации, но эта предварительная классификация необходима для начала работы. Здесь от текстолога требуется некоторое умение предвидеть результаты работы, интуиция, дающаяся опытом (см. об этом выше в разделе о сличении списков).

Обратимся к тому, как конкретно протекает работа текстолога над списками изучаемого произведения.

Найдя нужные ему списки произведения, исследователь начинает с ними знакомиться (непосредственно в рукописных хранилищах или по фо-

¹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. Пер. с англ. М., 1956. С. 131.

тографиям, ротокопиям и микрофильмам). Он прочитывает каждый список, определяет его время, сохранность, знакомится с окружающими в сборниках произведениями и т. д. При этом он ведет записи, в которых отмечает все, что так или иначе привлекло его внимание. От опыта исследователя зависит сделать эти записи так, чтобы часть вопросов можно было затем решать на основании этих записей, обращаясь к рукописи возможно меньше. Какие вопросы его должны интересовать в рукописи, — это выяснится на протяжении всей нашей книги. Не будем поэтому задерживаться на этом. Пока для нас важны самые тексты произведения в каждом отдельном списке. Читая эти тексты, исследователь уже при первом знакомстве со списками обратит внимание на их различия. Первоначально он ищет только крупные, внешние различия. Эти различия исследователь отмечает в своих записях. Скоро исследователь замечает, что эти различия повторяются, причем повторяются комплексно: одни различия встречаются вместе с другими различиями. Это позволяет начерно, в порядке самом предварительном, группировать списки.

Первоначально это ознакомление со списками идет медленно. Постепенно работа убыстряется. После просмотра 5–20 списков исследователь замечает, что часть списков более схожа между собой, другая — меньше. Исследователь начинает легко определять разновидность текста по приметам. Приметы — это наиболее характерные признаки принадлежности текста к той или иной группе редакции или виду редакции. Это не всегда самые крупные признаки, не всегда даже самые существенные, но зато они неизменны для данной группы, редакции или вида, легко обнаруживаются при знакомстве с текстом. Одной или двух примет недостаточно. Нужно, чтобы их было пять или шесть, но не более десяти, иначе их трудно держать в уме при ознакомлении с текстом. В процессе ознакомления с новыми списками произведения эти приметы уточняются, лишние отбрасываются, заменяются более характерными. Уточняется и группировка списков по этим приметам. Поэтому первоначально приходится возвращаться к уже просмотренным спискам. После просмотра 10–20 списков к старым спискам исследователь возвращается уже редко.

Попутно замечу, что микрофильмы и иные воспроизведения рукописей незаменимы для вторичных и последующих обращений к спискам произведения. Особенно хороши ротокопии, в которых характерные признаки редакции и вида, или индивидуальные особенности списка можно подчеркивать светлым цветным карандашом (например, желтым, голубым или розовым; напомним, что в ротокопии фон темный) и даже писать на полях краткие замечания. Однако первоначальное ознакомление со списками нужно все же делать в самих рукописных хранилищах по подлинным рукописям. Фотовоспроизведения не могут дать представления о многих особенностях рукописи, исследовать которые обязан текстолог (филиграни, состав всей рукописи, в которой имеется текст изучаемого произведения, особенности

брошюровки и переплета и т. д.). Ввиду того что повторные обращения к спискам особенно необходимы в начале работы, рекомендуется начинать работу в наиболее доступных рукописных хранилищах.

Как бы часто в рукописях ни обнаруживались одни и те же редакции произведения, исследователь никогда не гарантирован от появления текста новой редакции, где приметы будут частично совпадать с приметами других редакций. Поэтому перегруппировку примет часто приходится производить даже в самом конце ознакомления с рукописями. Вот почему приметы редакций нужно брать «с запасом»: на случай, если та или иная примета окажется и в другой редакции.

Особенно это следует иметь в виду для поздних редакций. Часто они заключают в себе приметы более ранней редакции, из которой они вышли, с добавлением новых (ср. так называемые распространенные редакции — редакции, составившиеся от стилистического расширения предшествующих, а не от их сокращения или решительной перестройки самого содержания).

Приметы редакций и видов рекомендуется применять не только во время самой работы по классификации текстов, но особо отмечать их в текстологических введениях после того, как они проверены на всех текстах данного произведения и прошли испытание полным подведением всех различий. Это важно для будущих исследователей, ибо никакой текстолог, закончив работу над тем или иным произведением, даже при самом тщательном обследовании всех рукописных хранилищ (а тщательность в обследовании всех рукописных хранилищ, как уже указывалось, абсолютно необходима), не гарантирован от того, что другой исследователь не найдет нового списка того же произведения. Для того чтобы определить редакцию списка, ему весьма будут необходимы эти списки примет каждой редакции.

Приметы редакций необходимы и для тех исследователей, которые занимаются научным описанием рукописей. Труд исследователя, занимающегося описанием рукописей, требует исключительного знания рукописного материала, в первую очередь он требует знания всего состава древнерусской письменности, примет не только произведений, но и их редакций. Конечно, это не значит, что исследователь, занимающийся описанием рукописей, должен все помнить на память. У него должны быть, во-первых, записи, и, во-вторых, он должен знать, где, в каких изданиях и что он может найти из этого справочного материала. В будущем, когда будет создан словарь-справочник древнерусской письменности, необходимо, чтобы в него вошли и сведения о редакциях произведений с их приметами. Это так же необходимо для филолога, как необходим определитель флоры для ботаника, определитель фауны для зоолога и т. д.

Перейдем к рассмотрению некоторых конкретных примеров примет редакций.

В. Л. Комарович на основании изучения 12 списков «Повести о Николе Зарайском» (рязанский цикл повестей, включающий и известную «Повесть

о разорении Рязани Батыем»), пришел к выводу, что в них могут быть выделены восемь редакций¹. Из этого числа две редакции он признал основными и назвал их: одну распространенной, а другую компилятивной. Распространенную редакцию он считал более древней, чем компилятивную. В процессе изучения распространенной редакции по спискам Рукописного отдела БАН 16.17.21 (РО 1), 16.15.8 (РО 2) и того же хранилища в собрании Головкина 34.8.25 (Гл) В. Л. Комарович выделил следующие приметы, отличающие ее от редакции компилятивной по спискам ГПБ Q.1, № 398 (Пб 1); Рукописного отдела БАН 4.7.3 (РО 3), того же хранилища 13.2.23 (РО 4).

- 1) Город, куда прибывает Евстафий из Корсуни, — не Кесь, а Рига.
- 2) Дидактическое вступление к картине Батыева нашествия от слов «попущающу богу» до слов «за наше прегрешение» — отсутствует.
- 3) Отказ в помощи рязанскому князю Юрию Игоревичу со стороны Юрия Всеволодовича Владимирского предшествует созыву рязанских князей, отъезду князя Федора с дарами к Батыю и его убиению, тогда как в списках компилятивной редакции (Пб 1, РО 3) неудачное обращение за помощью во Владимир отмечается лишь после всех этих событий.
- 4) В перечне рязанских князей (на съезде, в бою, при убиении, при погребении) всякий раз упоминается Глеб Коломенский, ни разу, напротив, не упоминаемый в списках компилятивной редакции.
- 5) Точно указано место Батыева стана, куда прибыл князь Федор: «на рѣку на Воронаж», чего, напротив, списки компилятивной редакции не знают.
- 6) Отсутствует подробность, согласно которой Батый приехавших к нему «на Воронаж» рязанских князей стал «потѣхоу тѣшитъ».
- 7) Предательство рязанского вельможи, сообщившего Батыю о красоте княгини Евпраксии, передано словом «насочи» (РО 1, РО 2), вместо «сказá» в списках компилятивной редакции.
- 8) Отсутствует (РО 1, РО 2) весь эпизод компилятивной редакции о нашедшем тело Федора пестуне Аполонице.
- 9) Перед битвой, вместо прощания «у гроба отца своего великого князя Игоря Святославича», как в компилятивной редакции, в списках РО 1, РО 2, Гл рязанские князья дают «последнее цѣлование княгини (матери) Агриппинѣ Ростиславне».
- 10) Иначе, чем в списках компилятивной редакции, средактирован эпизод об Олеге Красном.
- 11) При перечислении жертв татарского погрома в Рязани опять, в отличие от компилятивной редакции, названа «великая княгиня Агриппина, мать великого князя» (во всех трех списках).

¹ В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, т. V. М.; Л., 1947.

- 12) В эпизоде о Коловрате его пребывание при нападении Батыя на Рязань в Чернигове мотивировано отъездом туда князя Игоря: "был в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем" (во всех трех списках), при иной мотивировке в компилятивной редакции: "емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоревича".
- 13) Указано, где именно настиг Коловрат Батыя: "угнаша Батыя в земли Суздальстей" (во всех трех списках), чего нет в компилятивной редакции.
- 14) Отвечая Батыю, взятые им в плен дружинники Коловрата называют себя "храбры есьми великого князя" (РО 2), вместо "рабы" в списках РО 1, Гл и в списках компилятивной редакции.
- 15) Подвиг Коловрата охарактеризован как побиение "богатырей Батыевых", вместо "многих нарочитых" в компилятивной редакции.
- 16) При нападении на самого Коловрата татары наводят на него "множество пороков" (во всех трех списках), при "множество саней с нарядом" в компилятивной редакции.
- 17) После одоления Коловрата Батый посылает «по мирзы и по князи» (во всех трех списках) без добавления, как в компилятивной редакции, — "ординския и по санчакбѣи и по паши".
- 18) При описании погребения Ингорем Ингоревичем найденного им в Рязани "трупия" опять, в отличие от компилятивной редакции, все три списка упоминают "тело матери" этого князя "великия княгини Агриппины Ростиславны".
- 19) Наконец, заключительное родословие потомков Евстафия или вовсе отсутствует (РО 1 и Гл), или (РО 2) отделено от основного содержания "Повести" не имеющим к ней прямого отношения текстом..., т. е. явно выписано из другого, чем сама "Повесть", списка (компилятивной редакции)¹.

Все приведенные приметы имеют свой определенный смысл в истории текста произведения. Мы не останавливаемся на анализе этого смысла каждой из примет, так как это потребовало бы и анализа самой «Повести», что увело бы нас далеко в сторону. Отмечу только, что приметы, приведенные выше, весьма разнообразны: они касаются и языка списка, и его композиции, и сообщаемых исторических реалий, и т. д. Нельзя поэтому сказать — в каком типе явлений следует по преимуществу искать эти приметы. Это зависит от характера работы создателей отдельных редакций, от истории текста произведения, а поскольку поиски примет начинаются исследователем на таком этапе его работы, когда история текста произведения неясна, то в выборе примет приходится в какой-то мере полагаться на интуицию. Отто-

¹ В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. С. 66–67.

го-то и приходится в процессе работы менять приметы, по мере того как история текста и классификация списков становится все яснее. В творческом исследовательском процессе разные его стороны подвигаются вперед одновременно, как бы поддерживая друг друга.

В дальнейшем при изучении цикла повестей о Николе Заразском удалось выявить около 70 списков, и в разбивку на редакции и в приметы этих редакций пришлось внести существенные изменения.

Приведу некоторые соображения в этом вопросе, высказанные мною при публикации текстов «Повестей о Николе Заразском»¹. Редакцию «распространенную» я предпочел называть редакцией основной А; редакцию «компилятивную» — редакцией основной Б. Последняя может быть прослежена в двух основных видах. Кроме указанных еще В. Л. Комаровичем редакций — редакции хронографической, редакции святцев, редакции особой (предпочитаю называть ее «стрелецкой») и редакции проложной, — должны быть указаны: редакция воинская (в двух видах), редакция «Сказания» (в двух видах), редакция риторическая, редакция церковная и редакция распространенная. Существуют, кроме того, переделки XIX в., которые здесь не рассматриваются. «Краткая редакция» выделена В. Л. Комаровичем ошибочно.

В указанные В. Л. Комаровичем приметы двух основных редакций должны быть внесены изменения. Признак первый, по которому в редакции основной А Евстафий прибывает в город Ригу, а в основной Б — в город Кесь (т. е. Кезис — Венден, ныне Цесис в Латвии), не может быть принят. Не может быть принят также и признак четырнадцатый, по которому в редакции основной А захваченные татарами дружинники Евпатия Коловрата называют себя «храбрами», а не «рабами» князя Юрия Ингоревича: «храбрами» называют себя дружинники Евпатии только в тексте списка БАН 16.15.8 (РО 2 у В. Л. Комаровича); во всех остальных списках редакции основной А дружинники говорят про себя: «раби великого князя Юрья Ингоревича Резанского». Несомненно, однако, что в списке БАН 16.15.8 отразился древнейший вариант данного текста (слово «храбр» вышло из употребления уже в XVI в.). Неточно указан В. Л. Комаровичем также признак четвертый: Глеб Коломенский упоминается и в списках компилятивной редакции. Следует вообще отметить, что перечисление участвовавших в бою с Батыем и павших князей, а также их расстановка в этом перечислении сильно колеблются в различных списках и требуют особого изучения. Неточно указан В. Л. Комаровичем и признак восьмой, по которому эпизод о нашедшем тело князя Федора пестуне Апонице (эта форма имени пестуна князя Федора встречается в списках чаще, чем указанная В. Л. Комаровичем форма «Аполоница») имеется только в списках редакции основной Б. Признак девятый, касающийся прощания перед битвой рязанских князей, относится только к первому виду основной редакции Б.

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Тексты. — ТОДРЛ, т. VII. М.; Л. 1949.

Приметы редакции основной *А*, выделяющие ее и различающие с редакцией основной *Б*, следующие.

- 1) В редакции основной *Б* имеется небольшое дидактическое вступление перед рассказом о нашествии Батыя. Этого дидактического вступления в редакции основной *А* нет.
- 2) В редакции основной *А* отказ владимирского князя Юрия Всеволодовича помочь Юрию Ингоровичу предшествует созыву рязанских князей и эпизоду с убиением Батыем князя Федора; в редакции же основной *Б* рязанские князья получают этот отказ после отмеченных событий.
- 3) В редакции основной *А* отмечено место Батыева стана, куда прибыл Федор — «на реку на Воронеж»; в редакции основной *Б* место Батыева стана остается неизвестным.
- 4) В редакции основной *Б* Батый тешит приехавших к нему рязанских князей «потехою», чего нет в редакции основной *А*.
- 5) Эпизод с Олегом Красным изложен в редакции основной *А* в иной последовательности, чем в редакции основной *Б*.
- 6) В перечислении жертв татарского погрома в редакции основной *А*, в отличие от редакции основной *Б*, названа мать великого князя Юрия Ингваревича — «Агрепена».
- 7) В редакции основной *А* Евпатий Коловрат во время разгрома Рязани находится в Чернигове «со князем Ингорем Ингоровичем», в редакции основной *Б* к этому добавлено: «емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоровича».
- 8) В редакции основной *А*, в отличие от основной *Б*, точно указано, где настиг Батыя Евпатий Коловрат: «угнаша Батыя в земли Суздальстей».
- 9) В редакции основной *А* татары наводят на Евпатия Коловрата «множество пороков», а в редакции основной *Б* — «множество саней с нарядом» (или в более позднем варианте — «с народом»).
- 10) В редакции основной *А* Батый после гибели Коловрата посылает «по мирзы и по князи», а в редакции основной *Б* добавлено — «ординския и по санчакбеи и по паши»¹.

Итак, мы видим, что 19 примет В. Л. Комаровича в результате привлечения многих новых списков «Повестей о Николае Заразском» свелись к 10 признакам. Однако дело осложнилось и тем, что в одной из основных редакций (редакция *Б*) появились два вида, приметы которых в свою очередь довольно сложны.

Есть специфические области текстологической работы, где знание примет особенно необходимо. Я уже приводил одну такую область — это науч-

¹ См.: Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском. С. 266–267.

ное описание рукописей. Другая область — это изучение летописания и хронографов. Умение легко отличить в рукописях различные летописные своды, редакции этих сводов, редакции хронографов и пр. дается только в результате знания примет.

Надежнее всего те приметы, которые имеют не формальный характер, а связаны с определенными этапами в жизни памятника. Если приметы памятника, его редакции, извода, вида, группы не только внешне заметны, но и связаны с существенными моментами в истории возникновения данного памятника, редакции, извода, вида, группы, — то тем меньше опасности, что в дальнейшем они отпадут. К тому же их легче запомнить, ассоциируя их с историей памятника.

В начале работы, когда история памятника еще неясна для исследователя, эти приметы будут носить более или менее формальный характер (более или менее формальный характер будет носить и предварительная классификация списков памятника), а в дальнейшем, по мере уточнения истории текста, эти приметы будут все более и более тесно связаны с историей памятника (более историчной станет, как мы увидим ниже, и классификация списков).

Классификация текстов

Изучение любого древнеславянского памятника, при обычном отсутствии его авторского текста и наличия нескольких или многих списков, как правило, начинается с установления взаимоотношения всех известных его списков (говоря о списках, мы здесь и в дальнейшем будем иметь в виду не самый список, а его текст). Взаимоотношение же списков может быть изучено только на основании их классификации.

Классификации списков могут быть двух типов. Первый тип — по формальным, внешним признакам. Такая классификация в той или иной мере условна. Мы ее можем менять в зависимости от того, какое логическое основание избирается для классификации. В данном случае мы определяем только ту картину, которая предстоит перед нами на сегодня: устанавливаются группы списков, существующих в данный момент, имеющих в распоряжении исследователя.

Второй тип классификации опирается на историческое происхождение списков. Списки классифицируются по тому, как они исторически сложились, как они генеалогически соотносятся между собой. Эта система требует гипотетического восстановления всех утраченных звеньев. Такая классификация отнюдь не условна, она стремится дать реальную картину соотношения списков, исторически сложившуюся их группировку. В своем идеале она должна дать устойчивую классификацию, которую нельзя менять произвольно, но она во многих случаях (когда не хватает отдельных списков) не может быть последовательно проведена.